

Фазиль

Искандер

— ...меня послали за водкой. И все время мне мерещились деньги... И у лавки я нашел пачку денег.

Айзек

Азимов

— Я снабжен лазером, — сказал Майк голосом, в котором звучала сдерживаемая гордость.

Людия

Федосеева-Шукина

— Дочери? Обе замужем. Есть дети. Маша — брокер. Оля — актриса.

Эйшунтас

Жекрошюс

— Есть прекрасное выражение: всем хватит места под солнцем. Его надо вспоминать как можно чаще.

Кэри Райс

ЧЕЛОВЕК,

ПРОГЛОТИВШИЙ

ЛОШАДЬ

ПАРА ФРАЗ

«Мистер Дак был убит, — сказал Джон Дж. Мэйлон, знаменитый адвокат, — чрезвычайно извращенным способом. Был напуган до смерти своим же психиатром».

«Это понсенс, — проворчал капитан фон Фланаган, занимающийся убийствами. Он сделал паузу. Оба они видели покойного мистера Дака, которого только что вынесли из операционной. — Куда же запропастился этот доктор Нэш?»

«Он отдеживается, — сказала медсестра с побледневшим лицом. — Шок... — и глубоко вздохнула. — Конечно, мы знали, что у мистера Дака плохое сердце, но кто знал... это была лишь маленькая шутка. Совершенно безвредная. Я имею в виду, что мы так считали».

Она добавила: «Миссис Дак находится вместе с доктором в ординаторской».

Незаврачный адвокат фон Фланаган последний раз взглянул на бездыханное тело мистера Дака. Это был дородный широколицый детина с набухшими венами. В районе живота был сделан небольшой надрез, чуть больше обыкновенной царапины.

«Он неожиданно стал задыхаться и умер, — объяснила медсестра. Глаза ее сузились. — Вы знаете, доктор Нэш и миссис Дак большие друзья».

Мэйлон посмотрел на нее. Она была недурна собой, золотые волосы с красноватым оттенком и приятный ротик.

«Давайте пройдем в ординаторскую, — предложил

фон Фланаган. — Мэйлон, как ты оказался впутанным в это дело?»

«Мистер Дак был моим клиентом, — сказал Мэйлон. — Он сказал мне, что он лечится у психиатра, которого ему порекомендовала жена. Готовился к операции. Потому что он проглотил лошадь».

«Мэйлон, — сказал резко полицейский, — ты выпил!»

«Мистер Дак был абсолютно уверен, что проглотил лошадь, — заупрямился маленький советник юстиции. — Я прекрасно помню, как тебе казалось, что у тебя во рту мыш».

Фон Фланаган что-то проворчал и толчком открыл дверь ординаторской. Доктор Нэш лежал на кушетке, его приятное лицо было бледным. Сидевшая рядом с ним миссис Дак держала его руку.

Она вскопчила, испугавшись, и выкрикнула: «В этом никто не виноват!»

Доктор сказал: «Мистер Дак был убежден, что проглотил лошадь. Мы решили использовать безобидный маленький обман. Мы усыпили его, сделали небольшой разрез в области живота и, прежде, чем он пришел в себя, ввели лошадь в операционную. Согласен, эту процедуру нельзя назвать общепринятой, но... я объяснил ему, что мы прооперировали его и извлекли лошадь и что теперь он будет здоров, как новорожденный. Мистер Дак взглянул на лошадь и тотчас умер».

«Это убийство, — заметил Мэйлон. — Вы знали, что у него слабое сердце, вы знали, что самый легкий шок

сделает смертельным для него. И, если я не ошибаюсь, у вас с очаровательной миссис Дак есть определенные планы на будущее».

«Попробуйте доказать это», — сказала рассерженно миссис Дак.

Позже, сидя в баре Анджелз Сити Хол, фон Фланаган недовольно бурчал: «Мне все еще кажется, что ты все это выдумал».

«Естественно, — сказал Мэйлон, заказывая еще два джина. — Но это напугало доктора Нэша, а у него, сам видишь, не очень сильный характер, он «сломался» и рассказал всю правду. Подписанное признание, не более и не менее».

«Если он изменит свои показания, — мрачно сказал полицейский, — нам будет очень трудно передать это дело в суд». Он хмуро посмотрел в свой стакан. «Скажи мне правду, Мэйлон, и я плачу за следующий джин».

«Мистер Дак в действительности думал, что проглотил лошадь, — сказал ему Мэйлон. — У него действительно была навязчивая идея. И он думал, что операция будет для него полезной».

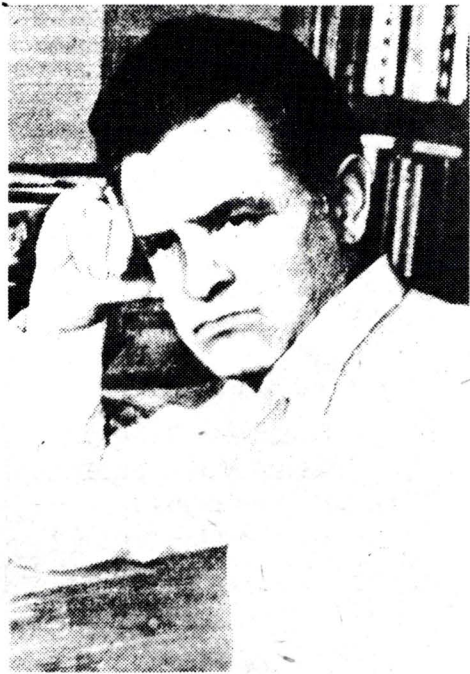
«Но почему же он отдал концы, как только увидел лошадь?»

«Потому что, — сказал спокойно Мэйлон, — лошадь в операционной была белого цвета. Он же считал, что проглотил черную лошадь».

Перевел с английского Вячеслав АВЬЮЦКИЙ.

- Ваше любимое изречение, афоризм?
- Это стихотворная строка Назыма Хикмета — из «Тюремных стихов» — «Моя голова была вторым человеком при мне...»
- Что вы цените в людях?
- Доброту и доброжелательность.
- Что не любите?
- Не люблю многое.
- Какие недостатки вы склонны прощать?
- Простительнее всего, на мой взгляд, излишняя доверчивость. Я считаю это недостатком, идущим от большого достоинства.
- А что не прощаете, до разрыва?
- Коварство, вероломство, двоедушие.
- Любимое занятие?
- Пожалуй, писательство и есть мое любимое занятие.
- А развлечение?

- Игра с ребенком. Беседа с друзьями за бутылкой вина...
- Которую теперь трудно достать...
- Как и друзей, впрочем...
- Что вы цените в мужчинах?
- Ценю три «м» — мудрость, мужество, милосердие.
- А в женщинах?
- Многое. Но больше всего — женственность.
- Отношение к браку?
- Труднейший вопрос. Я считаю, что каждый должен уметь устраиваться, как ему удобнее, но... Но если есть дети, то брак необходим. Страдания ребенка, не понимающего, где его мать или отец — это невыносимые страдания.
- Есть ли у вас цель в жизни?
- Есть. Идеальная цель: через творчество способствовать гармонизации мира. А на обычном уровне — иметь достаточные бытовые удобства, чтобы спокойно работать.

- Любимое и пречене, афоризм?
- Преуснейшей, сообразя честь и достоинство.
- Что вы цените в людях?
- Доброту, человечность, трудолюбие и справедливость. И, конечно, честность.
- Человеческие недостатки, которые вы прощаете?
- Прощаю людям слабость, прощаю пороки, которые невозможно исправить.
- Недостатки, которые вы не прощаете, до разрыва?
- Sandro сказал бы: тот, кто может изменить, это враг! Тот человек, который неупорядочен, не любит работать, не любит мир и жизнь. Вот таких людей я не люблю, недобрых людей.
- Что вы цените в мужчинах?
- Дядя Sandro я ценю в мужчине оптимизм, любовь к жизни. Ведь на таких людях, как дядя Sandro, держится весь мир.
- Что вы цените в женщинах?
- В женщине я ценю кротость, любовь. Дядя Sandro сказал бы: ненавижу измену. Люблю красивых женщин и люблю умных женщин. Но это очень редко бывает.
- Вы верите в любовь с первого взгляда?
- Верю в любовь с первого взгляда, но и со второго тоже.
- Ваше отношение к браку?
- Хорошая жена — половина успеха в делах мужа.
- Ваше любимое занятие?
- Я художник. Резать гравюру — мое любимое занятие. И очень люблю застолье.
- Ваше представление о счастье?
- Счастье — это встреча с интересными людьми, с людьми близкими по духу, на которых можно полагаться.
- Что такое несчастье?

Сandro их породнил: абхазца Фазил Искандера и армянина Юрия Багдасарова. Да-да, тот самый Sandro из Чегема. Когда в издательстве «Художественная литература» думали-гадали, кто из графиков смог бы передать дух и колорит искандеровской прозы, о художнике из Кисловодска вспомнили, понятно, не сразу — столичных мэтров пруд пруди. Зато когда вспомнили, все другие кандидатуры отпали. И главное — графика Багдасарова глянулась Искандеру. В итоге книга

удалась. Мы, в «45», получив интервью нашего собора Валерия Перевозчикова с Фазилем Искандером, тут же сообразили: нужен дубль. Желательно — золотой. Другой собор, Борис Смоль, мгновенно вычислил Юрия Багдасарова, прокрутив ему некоторые вопросы анкеты Достоевского. Результат налицо. Помните при этом: в Искандере живет Sandro, и в Багдасарове — тоже.

95% Искренности

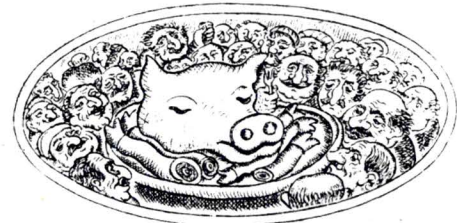
- Что такое счастье?
- Счастье — это когда рядом нет несчастья.
- А несчастье?
- Несчастье — это то, что подавляет наше гармоническое состояние. Несчастье подавляет нашу возможность со всей полнотой выразить себя в творчестве и в жизни.
- Были ли вы счастливы?
- Да. Очень много раз. Это было связано с самыми разными обстоятельствами... А чаще всего — безотчетное счастье.
- Верите ли вы в судьбу?
- Мне на этот вопрос трудно ответить. Но были какие-то предупреждающие моменты, связанные с творчеством. Иногда я как бы мог «накаркать» себе судьбу...
- Бывало так, что вы записывали нечто о своей судьбе, просто как отражение внутренней тревоги. И у меня есть опасения, что эти предчувствия сбывались, потому что были записаны!
- То есть, если бы эти вещи не были записаны, то ничего бы и не произошло?
- Мне кажется, что и не произошло бы... По каким-то фактам я могу судить об этом. Но это далеко идущая тема... Грех, а может быть, тайная гордыня в том, что я это зафиксировал.
- В какой исторической эпохе вы хотели бы жить?
- Вы знаете, я никогда — как мне кажется — не обладал временной фантазией... Поэтому мне трудно представить, что я мог бы жить в другой эпохе.
- Историческое событие, которое произвело на вас наибольшее впечатление?
- Пожалуй, самое большое впечатление и влияние оказал двадцатый съезд.
- Если бы у вас была возможность облагодетельствовать человечество?

- Я бы постарался, чтобы люди стали добрее и прямодушнее.
- У вас был соблазн другой жизни?
- Такой соблазн бывал и бывает довольно часто. Но это не значит, что этим я зачеркиваю то, как я жил... Я не принадлежу к тем людям, которые говорят: доведись мне жить еще раз — я бы прожил так же... Нет, я так не считаю. Обибки были.
- Главная черта вашего характера?
- Мне самому трудно об этом судить.

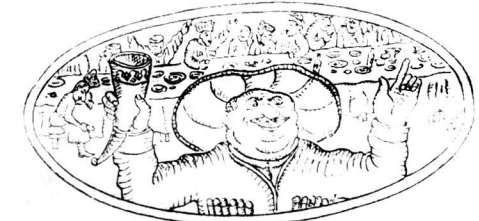
- А что вы бы хотели изменить в себе?
- Бывает, что очень мешает в работе и в жизни вторжение ненужных, неприятных людей... А у меня часто не хватает твердости отгородиться от них... Но, наверное, это никак нельзя изменить...
- Если бы вы не стали Фазилем Искандером, то кем бы хотели стать?
- Очень трудно ответить на этот вопрос. Я просто никогда не задумывался над этим.
- Вы верите в то, что сделанное вами останется?
- Хотелось бы верить.
- Ваше отношение к смерти?
- Я бы не сказал, что добродушное...
- Какой смертью вы хотели бы умереть?
- Не знаю. Я думаю, что наилучшей смертью является та, когда наименьшее время уходит на раздумья о ее неизбежности.
- Я бы хотел еще, чтобы смерть была пристойная, опрятная.
- Ваше отношение к Богу?
- Трудно сказать. В минуты творческого вдохновения я понимаю, что Бог есть. И я склоняюсь к мысли, что логически существование Бога ближе к истине, чем его отсутствие. Но я не могу сказать, что живу верой...
- Любимые литературные герои?
- Пушкинский Савельич из «Капитанской

дочки». Пьер Безухов из «Войны и мира», сэр Фальстаф Шекспира... Вот те любимые герои, которых я вспомнил сейчас...

- Был ли в вашей жизни человек, оказавший на вас наибольшее влияние?
- Конечно, многие интересные люди оказывали на меня влияние... Но в моем мальчишеском возрасте был такой Юра Шервашидзе, он был гораздо старше и куда более развитей, чем все мы... И я думаю, что из всех людей, окружавших меня в детстве, именно Юра оказал на меня наибольшее влияние.
- Вы верите в любовь с первого взгляда?
- Я верю в возможность такой любви... Но чаще всего она длится ровно столько времени, сколько длится этот взгляд.
- С вами когда-нибудь случались чудеса?
- Одно чудо я могу припомнить... Я был мальчишкой лет десяти, и меня вечером послали за водкой. И все время мне мерещилась пачка денег, я напряженно смотрел на дорогу... И у самой лавки я нашел пачку денег.
- Было ли это чудом? Мне могут сказать, что меня сотни раз посылали в лавку и сотни раз я хотел найти деньги — и все это случайно совпало. Но я не могу так считать. Именно в тот момент было какое-то особое возбуждение, какое-то особое состояние...

- Круг вашего общения?
- Дружеский круг довольно узок. В силу моей профессии писателя ко мне постоянно обращаются многие люди и мне приходится иметь с ними дело.
- Что вы цените в друзьях?
- Больше всего — и в друзьях, и вообще в людях — я ценю простодушие и прямодушие.
- Ваше отношение к Достоевскому?
- Отношение сложное. Я восхищаюсь его невероятно пронизательным умом, но как художник со множеством дисгармонических начал он мне не близок. Вот такое странное —

- Двойственное отношение. Восхищение его невероятной пронизательностью и гигантским умом, — но если мне хочется получить чисто художественное удовольствие, я читаю Пушкина и Толстого.
- Какой вопрос вы хотели бы задать самому себе?
- Я очень много вопросов задаю самому себе... А чаще всего такой: имею ли я хоть малейшее право быть довольным самим собой?
- Насколько искренне вы отвечали?
- Полагаю, что искренне. Процентом на девяносто пять.

Будь здоров, дядюшка Сандро!

- Несчастье — когда ты один и никто к тебе не приходит. Это самое страшное — одиночество.
- Вы верите в судьбу?
- В судьбу верю. От судьбы никогда не денешься.
- В какой исторической эпохе вы хотели бы жить?
- Я не обременен на судьбу, что живу в этой эпохе. Но мне хотелось бы жить и в XIX веке в старом Тифлисе.
- Вы оптимист или пессимист?
- Да, конечно, оптимист. Я верю, что все лучшее еще впереди и в моей жизни, и в жизни Земли, сыном которой я являюсь.
- У вас был соблазн другой жизни?
- Другой жизни я не мыслю и никогда к ней не стремился. Я живу той жизнью, которую сам себе избрал.
- Цель вашей жизни?
- Жить и создавать новые произведения. Подлюстрировать мои любимые книги. Воспитать хороших детей. Вот моя цель.
- Главная черта вашего характера?
- Художнику нужно меньше говорить, больше работать. Главные черты — трудолюбие, доброта и точность.
- Что бы вы хотели в себе изменить?
- По сегодняшним меркам я человек не современный. У меня нет предпринимательской жилки. А культура сейчас в таком финансовом затруднении, что без бизнеса не выжить. Вот мне и хотелось бы переломить в себе этот барьер. Чтобы выжить, надо быть немного бизнесменом.
- Ваше отношение к смерти?
- Смерть — это естественное явление, и каждый должен встретить ее достойно, глубоким стариком, в окружении звуков, детей. Конечно, я допускаю жизнь после смерти, но хотелось бы подольше пожить здесь. И после смерти хотелось бы оставить светлое имя свое.
- Какой смертью вы хотели бы умереть?

Я бы желал такой смерти, как у всех в нашем роду. Легкой смерти. Легко и не проснувшись. Чтобы не мучить своих близких, не обременять семью страданиями.

- Ваше отношение к Богу?
- К Богу у меня самое возвышенное отношение. С детства ходил в церковь, с бабушкой. Был в святом Назымадзе. С детства знаком с армянской христианской культурой. Бог есть для того, чтобы нам легче было жить. Бог, он просветляет душу и благостно влияет на отношение между людьми. К Богу самое возвышенное отношение.
- Вы любите козу-нобу?

— Я не завистливый человек. Хотя у кавказцев есть такое — «переплюнуть» соседа, это игра национальных черт, которые присущи нашему народу, это воспринимается скорее юмористически. Но мне это чуждо.

- Ваш любимый литературный герой?
- Мне очень близки по духу произведения величайших армянских писателей, воспевавших Тифлис. А любимым героем — это обобщенный образ. Это и дядя Sandro Фазил Искандера, это дядя Мелик или дядя Хосроп, или дядя Армяк из произведений Вильяма Сарояна и многие другие.
- Надетесь ли в будущем на лучшую жизнь?

— Я надеюсь. Если бы я не надеялся, зачем тогда жить? Мы настолько духовно богаты, что нам ничего не страшно. Многие сейчас бегут на Запад. У меня этого никогда не было. Приехать на все готовенькое, насытиться, а потом оставшуюся жизнь тосковать по Родине. Я привык жить, как все, дышать родным воздухом, хочу пережить это нелегкое время со своим народом. И я хочу обратиться ко всем людям: потерпите немного, и мы справимся со всеми трудностями, демократия будет не мнимой, а истинной.

За окном сереет Москва. Мы сидим за журнальным столиком, заваленным деловыми бумагами, счетами, финансовыми документами. К разговору еще не приступали. Лидия Николаевна прибирает на столе, у меня в голове вертятся сотни вопросов. В начале, конечно, о кино. Таня — первая главная роль Лидии Николаевны в фильме «Сверстницы». В нем же дебютировал и Высоцкий. Интересно, каким показался в то время Федосеевой Владимир Семенович?

...Потом, спустя двадцать лет, судьба свела их в телефильме «Маленькие трагедии». Удалось им вспомнить былые, поговорить по душам? И — не обязательно с Высоцким. «Ключ без права передачи», «12 стульев», «Позови меня в даль светлую», «Юность Петра», «Крейцера соната»... Сколько интереснейших актеров, режиссеров, драматургов. И все — знакомые Лидии Николаевны!

А сам Шукшин?! «Странные люди», «Печки-лавочки», «Жална красная»... Невозможно представить в роли Любы другую актрису. А можно ли говорить с Федосеевой-Шукшиной на эту запретную тему, и если да, то как бы деликатнее спросить об этом, не причиняя ей дополнительной боли, не терзая душу? Кстати, а почему на столе лежат сметы и бухгалтерские книги?

— Я согласилась с вами встретиться только ради разговора о Центре. Это всенародное дело, — так начала наш разговор Лидия Николаевна, который скорее можно было назвать не разговором, а костром-монологом, куда я время от времени подбрасывала сухие ветки-вопросы. — Вас, я вижу, удивляет присутствие на столе этих бумаг. Тут вся бухгалтерия Всероссийского центра искусств и культуры имени Василия Макаровича Шукшина. Я не раз задаю себе вопрос: что же я за актриса, которая четвертый год занимается этими бумагами? Это не мое дело. Еще недавно мне очень помогал Бурков. Безотказно. Уже скоро год, как нет с нами Жоры. Не дело актеров — заниматься не своей работой. Я вообще была тупая по всем этим финансово-экономическим вопросам и проблемам...

— А сейчас вы как бы закончили еще один институт?

— Не то слово. Вот конкретный пример. Недавно я рассталась со своим директором, который оказался весьма некорректным. Представляете: заключает контракт с одной фирмой, из которого следует, что Центр Шукшина становится ее структурным подразделением! Совершенно бездушный, недумывающий человек, которому абсолютно все равно, где работать, лишь бы получить зарплату.

— Каким вы видите Центр?

— В трех минутах ходьбы от нашего дома находится кинотеатр «Огонек», в который мы ходили с Василием Макаровичем. Кинотеатр не ремонтировался четверть века и выглядит весьма удручающе. Городские власти отдали нам это помещение под Центр. Теперь надо провести реконструкцию. Все должно быть красиво — на мировом уровне. Конечно, есть программа, программа, посвященная памяти Василия Макаровича. Кино и видеозал, в которых можно посмотреть все фильмы с его участием, библиотека, архив, музыкальный салон, небольшой бар. Хочется, чтобы у нас устраивали премьеры молодые кинематографисты, проходили театральные вечера, чтобы к нам шел народ, чтобы каждый ощущал себя причастным к творчеству Шукшина. Вот в Москве проводят экскурсии по местам, связанным с жизнью и работой Василия Макаровича. Останавливаются напротив нашего дома. Сама видела, как высчитывают окна квартиры. А почему бы этим экскурсиям

БЕСЕДЫ ПРИ ЯСНОЙ ПАМЯТИ

Желающих оказать содействие Всероссийскому центру искусств и культуры имени Василия Макаровича Шукшина просим делать перечисления на расчетный счет № 364308 ОПЕРУ «Мосбизнесбанк», МФО 299093, Центр имени Шукшина»

ПОЖК
свободный

ям не заканчиваться в Центре, а не на кладбище? Господи, почему на кладбище? Я там себя ужасно чувствую в присутствии посторонних. Ведь до чего доходите! Однажды подхожу к могиле, а от нее группа экскурсантов возвращается. Увидели меня, остановились, за мной побежали, в лицо заглядывают за рукав дергают. Какое безумие такое! Противно.

Лидия Николаевна продолжает свой монолог, и я все больше и больше попадаю под обаяние ее слов, начинаю менее сознавать, что нахожусь в квартире, где жил Мастер, что здесь все по возможности осталось таким же, как было и двадцать лет назад. Та же старая, уже достаточно потрепанная мебель начала семидесятых, те же репродукции и фотографии на стенах, то же, с расшатанной ручкой, кресло.

В квартире витает дух Шукшина. И не только витает. На меня в упор с большого портрета смотрит Василий Макарович. Его усталый, с некоторой грустинкой взгляд как бы спрашивает: «А что ты за человек? Что тут делаешь?» И мистика: я начинаю отвечать что-то несурзное, несусветное, даже глупое. Сколько времени длился наш разговор? Минуту? Две? Не знаю. Но он был — разговор с Василием Макаровичем...

Я думаю, что трудно найти в стране человека, который бы не знал имени Шукшина. Однажды, в обеденный перерыв, я читал журнал «Наш современник» и своим смехом мешал бригаде играть в домино. Мужики взорвались и сказали: или читай вслух, или иди очень далеко. Я выбрал первое. Василий Шукшин: «А поутру они проснулись». Помните начало? Примерно так: «Где я? Кто я?» — начал кричать один мужик. — «Да не ори! Успокойся! В морге ты!» — ответил ему другой. Бригада так и не приступила к работе, пока не была прочитана вся повесть.

Когда слышишь по радио, читаешь в газетах словесные клише, то становит-

ся как-то не по себе: «абсолютное большинство», «все, как один», «всенародная любовь». Неужели нельзя попросить? Но что касается Шукшина, то не могу найти других слов. Да, всенародная любовь! Приведу лишь один пример. Лет десять назад встретил в вагоне метро девушку, которая изучала схему метрополитана. Поинтересовался, не могу ли ей помочь. Она хотела проехать к Никодимичеву кладбищу. Объяснил, как это сделать. Выяснилось, что девушка родом с Катунки, живет под Байконуром, в Москве проездом и ночью ей деться домой. У меня оказалось свободное время, зная, что на кладбище тогда вход был исключительно по пропускам, вызвался ее проводить. У входа стоял пожилой старшина, что сразу навело меня на грустные мысли: такого не уговорить. Но когда он узнал, что девушка хочет поклониться памяти своего известного земляка, то не только пропустил нас, но и показал, как легче пройти к могиле Шукшина.

— Лидия Николаевна, а вы каждый год ездите в Сrostки?

— Нет. Говорят, что Шукшинские чтения стали в последнее время какими-то однообразными. Я не люблю выступать при большом стечении народа, так как мне часто задают бестактные вопросы. Это удручает. По этой причине не люблю давать интервью журналистам. В прошлом году ездили дочери.

— А что у них? Как сложились их судьбы?

— Обе замужем, есть дети. Маша работает брокером, хотя и закончила переводческий факультет института иностранных языков, Оля — актриса. Но в кино снимались и та, и другая. Меня приглашают сниматься, но куда я поеду, когда весь Центр связан на мне. Я уеду — и все разрушится. И все же не могу без кино, без своей любимой работы. В этом году у меня выходят три картины. Одна снята совместно с францу-

зами. Только кто их увидит?

— Значит, для вас сейчас самое главное в вашей жизни — Центр?

— Конечно! Это моя жизнь! И весь остаток ее я посвящу памяти Василия Макаровича. Это память моего сердца.

— Интересно, за счет каких средств существует ваш Центр?

— Это самый главный вопрос, который вы мне сегодня задали. Никаких! Коммерцией мы не занимаемся, дотаций ждать неоткуда. Спонсоры? Вот Союз кинематографистов дал пять тысяч рублей, «Мосфильм» — пять. Спасибо им огромное. Спасибо и другим организациям, поддерживающим нас в трудное время. Но что сейчас можно сделать за эти деньги? Я постоянно получаю приглашения на различные презентации. Там столько богатых! Но хоть кому-нибудь из них дорого имя Шукшина? Правда, однажды раздался очень любопытный звонок: «Вы когда-нибудь встречались с миллионерами?» — «Нет». — «Так это я и готова все свои миллионы пожертвовать Центру. Ждите, я к вам приседу...» До сих пор жду.

Сколько вокруг сейчас развелось жуликов, прохиндеев, авантюристов! Нам в Центре надо сделать капитальный ремонт и реконструкцию, максимально использовать всю площадь, соорудить три маленьких кабинета для работы. А они за помощь просят себе помещение под офис. И я уже знаю наперед, что может произойти: прикрывшись именем Шукшина, нас просто выбросят на улицу. Мне останется только моргать глазами и плакать в подушку. Это ужасно, но такие разговоры идут. Я вижу из этого положения лишь один выход: приватизация. Необходимо приватизировать наш Центр. Нужны деньги. Большие деньги. Миллионы. Господи, подскажи мне, где их взять?

Действительно, где их взять в нашей бедной, обнищавшей России? Где взять, если столько обездоленных и страдающих не могут найти себе деньги на обед и ложатся спать голодными? Где? А давайте посмотрим на проблему с другой стороны. Что на сегодня миллион рублей? На бирже за эти деньги можно купить «Волгу». Вот так и лежат на одной чаше весов Центр имени Шукшина, на другой — автомобиль. Какая перетянет? Где взять автомобиль?

Сейчас все требуют, просят, ищут деньги. И в самом плачевном состоянии как была, так и осталась культура. Живя сегодняшним днем, мы не думаем о дне завтрашнем. Психология века. Позиция временщика. Без подъема национальной культуры, без сохранения исторического прошлого нам не видеть возрождения России. Без духовного начала мы потеряем все, что еще осталось.

Это понимают все, кому дорога судьба России. Поэтому и появляются по всей стране различные, работающие исключительно на энтузиазме общественные организации, которые возрождают островки отечественной культуры. Музей Владимира Высоцкого в Москве, дом Марины Цветаевой в Тарусе, квартира-музей Александра Вампилова в Иркутске, Центр Василия Шукшина в Москве. Понятно, что помощь, оказанная конкретной общественной организации, принесет больше пользы, чем высланный на какой-то абстрактный фонд. Не так ли, Лидия Николаевна?

Вячеслав ЛОБАЧЕВ.
Собкор «45».

Снимок из семейного архива предоставлен Лидией Николаевной.

По просьбе автора «45» перечисляет донор за эту статью в названный Центр.

Е

А

К
О
Р
П
О
Р
А
Ц
И
И

«11 октября Леонид Онушко получил разрешение в Госбанке СССР основать межрегиональный кооперативный банк «Континент» — один из первых кооперативных банков в стране. Онушко подал заявку четыре месяца назад, и если бы он проявил большую гибкость, то мог бы получить лицензию за номером один».

(«Московские новости» от 23 октября 1988 года).

По тем, еще таким союзным временам, это политический акт, это сенсация. Но... воды с тех пор утекло много.

Наш корреспондент Борис СМОЛЬ встретился с президентом «Континента» Леонидом ОНУШКО и президентом одноименной корпорации Алексеем КАЛАЧЕВЫМ.

ОНУШКО: — Когда наш банк стал реальностью, мы генерировали идею межрегиональной кооперативной федерации (МКФ). Осуществляя ее, шагнули от изысков теории новой экономики в сферу практического предпринимательства. Например, как соучредители Пятигорской международной товарно-фондовой биржи мы контролируем почти половину российской доли ее капитала. А мысль о создании корпорации появилась всего лишь год назад.

КАЛАЧЕВ: — Деятельность МКФ на протяжении ряда лет показала жизнеспособность корпоративных отношений между предпринимателями, и в августе 1991-го года в Магнитогорске была зарегистрирована наша корпорация, которую мы определяем как торгово-финансовую. Ее штаб-квартира находится в Набережных Челнах. Корпорация наша межструктурная. В нее входят банки с немалым уставным капиталом. Наш бизнес не велик, но и, конечно же, не мал. Тем более что начинался с нулевой отметки, развился благодаря толковым людям, их интуиции.

Мы созданы из тех копеек, заработанных кооператорами, что они смогли «выхватить» из оборота, чтобы создать свой банк. Это трудно, но у нашего банка свое лицо, свой сектор рынка, проблемная стратегия.

Частные лица, кооперативные предприятия — наш клиент. Тот самый слой, с которым крупные банки «не желают возиться». Мы же делаем с ними свой бизнес, и очень успешно.

ОНУШКО: — Если на пожар зовут двадцать восемь часов в сутки и каждый день, вы пойдете на пожар?

Надоели кликушество, угрозы апокалипсиса, который наступит завтра, послезавтра, через двадцать минут.

Поэтому наша политика — «хватит политической паники». Пора российскому гражданину заняться своим делом. Обеспечить себя и свою семью. Обеспеченный человек — гарант обеспеченного общества.

С этой целью еще в 1988 году был учрежден фонд имени Николая Бухарина. Фонд присуждает ежегодные премии, сумма которых по теперешним меркам чисто символическая, но не это главное.

Премии присуждены американскому политологу Стивену Козму, новатору в области сельского хозяйства Ивану Худенко (посмертно), академику ВАСХНИЛ Владимиру Тихонову. А также Егору Гайдару и Вадиму Туманову. Еще до того, как они стали общепризнанными лидерами в своих сферах.

Наша политика — развитие культуры. Дом-музей Марины Цветаевой в Елабуге — в программе Фонда.

КАЛАЧЕВ: — Если политика и бизнес имеют общую цель — это счастье.

На сегодня наша цель — развернутая банковская сеть в различных регионах СНГ, страховая компания, торговые дома. И все это для того, чтобы выжил малый бизнес, чтобы не разрушался, а, наоборот, креп такой пока еще тонкий демократический слой.

Наш негласный девиз: «Свой дом, своя семья, свой бизнес».

«Континенты», надеемся, в этом не одиноки.

О НТИНЕНТ

Б
И
З
Н
Е
С
И
П
О
Л
И
Т
И
К
А

Корпорация «ЕА КОНТИНЕНТ»:

— торговые, финансовые, страховые услуги; строительные и монтажные работы; производство товаров народного потребления; представительства в различных регионах России. Один из крупнейших отечественных учредителей Пятигорской Международной товарно-фондовой биржи. Корпорация «ЕА Континент» реализует акции и сдает в аренду брокерские места биржи.

ПМТФБ — сегодня это:

— уставной капитал 125 миллионов рублей; международные брокерские фирмы среди основателей; синхронные электронные торги в Пятигорске и Москве. По вопросам приобретения брокерских мест обращаться в представительства Корпорации: 1. Магнитогорск, улица Курако, 6. Телефоны (35237) 3-75-52, 3-20-62. 2. Набережные Челны, улица Пушкина, 14. Телефон (8439) 52-12-75 с 10.00 до 18.00 (время московское). Факс 52-31-94 (круглосуточно). Факс 52-34-92. 3. Челябинск, шоссе Металлургов, 57. Телефон (3512) 22-53-58. 4. Сафоново Смоленской области, улица Горняцкая, 18. Телефон (08142) 4-11-69. 5. Пятигорск, улица Транзитная, 2. Телефоны (87900) 5-83-66, 5-93-95. 6. Ульяновск, улица Матросова, 16. Телефоны (8422) 31-27-97, 32-53-00.

Леонид ОНУШКО

Алексей КАЛАЧЕВ

Работать сейчас стало очень тяжело. Все в таком напряжении. Все неспокойно. Но надо работать, надо. Не го вообще будет великая депрессия.

Несмотря на то, что политическая ситуация, казалось бы, более или менее стабилизировалась, нам все передается: и политические, и экономические сложности. Через газеты, радио, телевидение, через любую информацию... На меня это очень действует. Тяжело сконцентрироваться на своем. Хотя я работаю, не оглядываясь на других.

Но мне интересен в кино Адексей Герман, нравилось, когда на сцене работали Роберт Стурра, Анатолий Васильев...

По-моему, дальше, как и раньше, искусство будет зависеть от идеологии. Я не имею в виду коммунистическую или какую-то другую... Будет другая идеология, демократическая, например, или не знаю какая... все к этому идет и в кино, и в театре.

Может и вообще не надо будет работать в театре. Если государство, скажем, прекратит дотации. Надо будет закрываться. У Литвы ведь столько проблем. Сколько театров она выдержит? Если закроют мой — уеду в деревню. Итосковать по театру не буду. Меня волнуют исключительно художественные проблемы. И чем дальше, тем больше. По молодости рискуешь просто от незнания, зато уверенно себя чувствуешь. А чем дальше, тем больше проблем, с художественной стороны — особенно. И мысли хорошие посещают все реже... Хотя актеры сейчас в хорошей форме.

Ставя «Нос», например, я хотел попробовать себя в новом жанре. Раньше я работал глубоко психологически. Сейчас такое время, когда бросаюсь в разные стороны. Вот став-

лю «Кармен» — и опять по-другому.

Интересно работать, когда знаешь, что можешь взять хорошую драматургию и, естественно, достичь неплохих результатов. Для меня пока лучше эксперимент. Потом, может, я и вернусь когда к старому...

О литовской драматургии не знаю даже как сказать... Мелко... Конечно,

делал лучше. Приходилось ее как-то иначе решать, и в художественном смысле она всегда имела больше силы.

Когда критики мне говорят: «Вот ты ставишь других, не ставишь литовских пьес...» — это как-то унижает. А специально создавать литовскую культуру... я не знаю. Как не знаю ни одного человека, который бы специально соз-

Я никогда не думал ни театром заниматься, ни режиссурой. До одиннадцатого класса я в театре не был. Потом увидел «Миндаугас» в Клайпедском театре. Понравилось немножко. А поступал в консерваторию, чтобы в армию не попасть. Потом все равно взяли. Уже после ГИТИСа. А с театром потом так получилось — втянулся! Но в детстве было самое правильное

После многолетнего перерыва гоголевским «Носом» вновь заявил о себе один из самых загадочных постановщиков современности — Эймунтас Некрошюс из Литовского молодежного театра.

ЗАКРОЮТ ТЕАТР — ВЕРНУСЬ В ДЕРЕВНЮ

появится когда-нибудь. Не может такого быть, чтобы ничего не родилось стоящего... Драматург может родиться один на сто лет. Надо ждать...

Сейчас, конечно, мне как литовцу нельзя говорить, но литовская культура не испытывала, по-моему, чрезмерных угнетений и гонений. К примеру, я знаю многих композиторов, и что было ими написано, то и исполнялось. И публиковалось тоже практически все из литературы. Нам, художникам, жаловаться особенно нечего. Хотя многие жалуются.

Я как-то не обращал на это внимания. Мне говорил что-то переделать. Я переделывал — и получалось лучше, чем задумал... Всегда, когда мне запрещали какую-то сцену, я ее снимал и

давал литовскую культуру. Художник просто сам в ней живет и творит как умеет.

Есть прекрасное выражение: всем хватит места под солнцем. Его надо вспоминать как можно чаще, по-моему. Пусть развивается все, что хочет и может развиваться. Литва — такое место, куда не денешься. И ведь есть много примеров таких земель. Бельгия, Голландия, Швейцария... Они вовсе не теряют престижа из-за того, что где-то половина населения говорит по-французски, а половина по-немецки и т. п. Возможно, я нехорошо говорю... Нехорошо с точки зрения того, что сейчас здесь творится... Мне сильно хочется вернуться туда... В детство. Там все заложено.

и самое чистое мироощущение. Самое полное. Потом человек обставляет себя всякими (жестко переполненную пеньлышину) глупостями... Снова хотел бы посмотреть на все из той точки. Но надо зарабатывать. Есть семья, артисты, обязательства...

Я принимаю любую критику. Совершенно безболезненно. Пусть себе говорят — это их работа.

Мне нравится и московская публика, и пью-йоркская. Моя неулыбчивость — не стремление сохранить дистанцию, а чисто генетическое свойство.

Есть хорошая публика, но не каждый вечер. Хватает спектакля на четыре-пять. Потом — всякая.

Все. Мне надо бежать на репетицию. Записала Татьяна ЯСИНСКАЯ. Специально для «45».

Театралам не нужно напоминать, что один из лидеров современной сцены России — Кама ГИНКАС — родился и учился в Литве

Я окончил литовскую школу, хотел стать литовским актером. В консерватории понял, что с детской мечтой придется расстаться. Стал готовить себя к режиссуре.

Еще в школе ставил спектакли на «западный манер» — так, как представлял себе тогда европейский театр. Хотя литовская советская сцена не отвечала авангардистским требованиям, ходил на спектакли каждый третий, четвертый вечер. Любил актеров. Они были актерами, и этого для меня было достаточно.

Поступал на режиссуру к Товстопогову совсем зеленым, семнадцатилетним. Поскольку боялся, что с первой попытки ничего не выйдет, а делать вторую еще страшней, учитывал любую мелочь, которая могла помочь.

Слышал, что Министерство культуры Литвы специально для поступающих в творческие вузы России имеет так называемые республиканские места. Двинулся в Министерство, а там мне: «Вы — не коренной национальности». Помню, что это сказано было по-русски. В литовском, по-моему, такого бюрократического выражения нет.

Я тогда совершенно искренне не понимал, что все это значит.

Мой отец, дедушка, прадедушка родились в Литве. Но работник Министерства намекнула, что я сам должен догадаться...

Затем, уже поступив, совершил другую глупость.

Однокурснику, узнав, что республиканским «кадрам» выплачиваются республиканские же стипендии, попросил и меня попросить об этом.

Стипендии не получил — и думаю, по той же причине.

Да ладно, когда я уже заканчивал Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии, из Министерства культуры Литовской ССР (помните такую республику?) пришла бумага: «Просим вернуть наши национальные кадры...»

Удивился: когда это успел стать национальным кадром?

Тем более, моя жена, ленинградка, которой почему-то точно так же было приказано «вернуться в Литву»...

Это оказалось не все.

Вскоре, и уже из Министерства культуры СССР, пришла бумага: «Верните Литве ее национальные кадры...!»

Инцидент разрешил Товстопогов. «Национальные кадры» остались в Ленинграде.

Один из преподавателей ЛГИТ-МиК все, что не соответствовало, по его понятиям, «социалистическому

В ХОДЕ ШТГРЫ

реализму», называл прибалтийским символизмом. Этим, по-видимому, ограничивались его понятия в географии и эстетике. Он и наделил ярлычком. Никогда я не был никаким символизмом. Просто никогда не привлекал театр, где сидят, пьют, едят, разговаривают — и только.

Для меня всегда была важна визуальная сторона того, что происходит на сцене. Именно это, убежден, привила литовская культура, искусство.

Уникальная народная скульптура — часовенки, кресты, резьба по дереву С. Ряубе, картины Чюрлениса — мои первые и главные визуальные впечатления, источники, не связанные с натурой.

(В 1960 году студент Гинкас написал первую статью о тогда еще неизведанном мастере — Ряубе, — Д. М.)

Я мог бы назвать Ряубе своим учителем наряду с Марком Шагалом, Питером Бруком, Пабло Пикассо, Федором Достоевским, Антоном Чеховым, Федерико Феллини, Анатолием Эфросом... Товстопогов дал прочную профессиональную основу, систему. Но из системы всегда хочется вырваться, когда она в тебе слишком укореняется.

Наше сознание, представления о морали разорваны. Сцена соединяет противоречия в нас и вне нас, сочетая, казалось бы, несочетаемые вещи. В качестве техники такого сочетания годятся разные стили, жанры. Получается коллаж, монтаж.

Жанр — это отношение к миру.

Трагедию или драму, к примеру, обуславливает крайне серьезное отношение к человеку, его назначению. Но мне о таких вещах трудно говорить всерьез. Не по легкомыслию, а, скорее, потому, что реальность всякий раз дает подножку подобным представлениям, если они бывают во мне.

Завидую тем, у кого нерушимо прочное убеждение. Да, вижу, знаю: люди веками боролись и борются, к чему-то стремятся, мучаются и страдают. Оно, вероятно, все наши истины и трагедии условны и несерьезны для того, кого верующий называет Богом, атеист — Природой, неверующий — просто фартом или еще как-нибудь.

Для того, кто заварил всю эту кашу.

Сцена — чистая условность. Так что мы можем играть, испытывать от этого радость. А в ходе Игры, быть может, обнаружится и нечто важное. Если повезет...

Смешно, наверное, но я панически боюсь, что меня уличат во лжи. Поэтому сразу стараюсь дать понять: все, что происходит на сцене, — это так, игра, не более. В то же самое время, если удастся, включаю в действие несколько моментов, когда зритель, вздрогнув, ощутит тревогу на неожиданном стыке театра и реальности.

Наверное, все мои спектакли о том, что так жить невозможно. В нынешнем хаосе важно хотя бы выжить. Даст Бог, и духовно.

Чехов, кстати, гораздо более жесток, чем Достоевский. Федор Михайлович был все же верующим. Чехов — нет, и это страшило его самого.

Достоевский — дьявольский искуситель. В «Преступлении» он взваливает на Раскольникова свои идеи, кошмары, видения, а сам глазами Порфирия наблюдает, чем это кончится. Выдержит ли Раскольников жестокий эксперимент.

Самое интересное, что режиссер, репетируя это, ощущает нечто подобное.

Что значит репетировать с актерами?

Пытаюсь нащупать в их сознании те точки, которые растормозили бы эмоции, нервы, необходимые для данной сцены. Будто сажаешь человека на электрический стул, включаешь напряжение и наблюдаешь конвульсии. Если напряжение недостаточно, повышаешь...

Почему все это? Вероятно, бес внутри. С помощью Достоевского мне легче всего рассказать о том, что сейчас происходит. Должно быть, именно поэтому больше мне этого не хочется делать.

Записала Даля МАЧЕНИТЕ. Запись сделана исключительно для «45-й параллели».

На этот раз я не ехал — летел на крыльях радости. Окрина Минеральных Вод. Глухая улочка в поселке Первомайский. Открыла дверь, узнала, улыбнулась, собрав в морщинки лицо. Смутилась: букет роз... А я с порога выпалил, как и задумал еще вчера, в Москве, на седьмом этаже серой громады здания КГБ:

— Здравствуй! «Анка»!
Смутилась, всплеснула руками:
— Я не ослышалась, повторите, как вы назвали?

О разведчице Александре Ивановне Малаховой (Никляевой), которая — де в числе других ветеранов хлопочет о восстановлении документов, а подкрепления заявлений из архивов нет, я услышал случайно. Заинтересовавшись, попросил ее «дело», где черным по белому всего — то значилось: «В 1942 — 43 выполняла задания разведки 56-й армии Северо-Кавказского фронта, в 1943 — 44 — органов госбезопасности СССР». Ничего больше в военкомате сказать не смогли, дали адрес — и на том спасибо.

— И никак не докажешь, что воевала. Ну никак... — сказала Александра Ивановна при нашей первой встрече.

И показала пачечку сколотых булавкой листочков — ответов на ее запросы во все мыслимые инстанции: ничего утешительного, документальных сведений об участии в Великой Отечественной не сохранилось, только лишь известно, что поначалу была в военной разведке, затем — в разведорганах госбезопасности.

— На особые привилегии не претендую, — говорила Александра Ивановна, — просто обидно, что никому до меня нет дела.

Порекомендовал ей обратиться в главный архив Министерства обороны в Подольске, сообщая сочинили письмо...

Но и это не возымело своего действия, как и мои хлопоты в Ставропольском краевом воен-

комате и управлении КГБ: снова сделали запросы по своим ведомствам и снова — безрезультатно.

Вторая, третья встреча. Александра Ивановна то и дело уходила от прямых ответов, пока не высказалась откровенно:

— Вы вправе не верить моему рассказу, если его не подкрепить документально. О чем же тогда нам говорить? Сейчас многие стремятся преувеличить свою роль в Победе, ей-Богу, боюсь выглядеть в ваших глазах одной из них. Ну, а потом еще...

Что именно скрывалось под этим «ну, а потом еще...», я догадался: подписка. Подписка о неразглашении тайны, которой были и остаются связанными по рукам и ногам бывшие разведчики...

Моих запросов мало?! Что ж! Тогда — на уровне газеты, в которой работаю. Уже руководители «Известий» подписали документы на имена первых заместителей председателя КГБ и начальника главного разведуправления Минобороны, в которых приводились сведения о Малаховой (Никляевой) с псевдонимом «Аникиева», известные мною от Александры Ивановны.

Иду от сантиминов: мол, думал, переживал, ждал ответа. Не берусь живописать и о переживаниях самой разведчицы.

И — звонок в редакцию «Известий»:

— Документы о разведдеятельности Малаховой находились в разных местах, что осложнило поиск, теперь они собраны, и мы готовы встретиться с вашим корреспондентом...

Значит, можно все-таки найти, обнаружить, собрать?! Надо ли говорить, что корреспондент не стал ждать второго приглашения и сразу вылетел из Минвод в Москву, где в одном из кабинетов военной контрразведки КГБ его, то бишь меня, два вечера знакомили с операцией «Марица».

В первый же день я узнал, что Малахова (Никляева) Александра Ивановна, она же «Аникиева», принимала в ней видное и самое успешное участие под псевдонимом «Анка».

В годы войны Крым был важным стратегическим узлом. В ожесточенных сражениях гитлеровцы наступали и отступали на полуострове, не имели они покоя и на оккупированной территории — партизаны не давали им спуска. На базе 1-й партизанской бригады, действующей близ Симферополя, усилиями чекистов возникли несколько разведывательных групп, нацеленных против штаба военно-морской разведки абвера «Нахрихтен-беобахтен» (НБО). «Перед ними была поставлена задача, — читаю в одном из документов, — используя имеющиеся у них подлинники и фиктивные немецкие документы, при содействии оперчеркистской группы «Вымпел» легализоваться в городе Симферополе, приобрести связи среди окружения военно-морской раз-

ведки (НБО) противника и вести ее разработку, а при благоприятных условиях проникнуть туда на службу».

Эту задачу полностью решила «Анка». Она ничего не знала о параллельно действующих еще трех группах, о провалах их миссии, в частности, с захватом руководителя НБО фрегат-капитана Рыкова, в прошлом белогвардейца, сделавшего карьеру в фашистской Германии. Но именно «Анке» при помощи радистки Дины Цулиной, верной боевой подруги, довелось испытать все от начала и до конца.

Объясняет это Александра Ивановна скрупулезной подготовкой к операции, предыдущим опытом, накопленным в Сталинградской раз-

ведшколе, а затем — на Кубани, где ее трижды забрасывали в тыл к немцам, навыками работы с людьми и повторила, верой и самообладанием. Помогали постоянные контакты через хозяйку явочной квартиры Веру и Надежду Ивановых («Сестру» и «Дочурку») с базой партизанского отряда — руководителями «Вымпел» майорами госбезопасности Ильей Харченко и Григорием Казакуловым. Без постоянной надежной связи все усилия «Анки» пропали бы втуне. Запасная контактная цепочка спасла положение: когда гестапо арестовало Ивановых, К счастью, Вера и Надежда выдержали пытки и не выдали боевых товарищей.

Первый успех Александры Ивановны — внедрение в разведшколу НБО «Абергруппа-106»: начинала кухонной рабочей, достигла «вершины карьеры», став официанткой офицерского казино. Это — после выброса с самолета вместе со своей радисткой Дусей Цулиной на партизанскую базу Крыма, изучения обстановки, посещения в городе «засвеченной» явки, откуда едва ушли без провала. Документы двух девушек — «беженок» не вызвали особых подозрений у абверовцев, хотя бесконечным проверкам — явным и тайным, — казалось, не будет конца. Однажды «Анку» отправили в гестапо: поняла — провокация, сумела правильно сориентироваться и выйти сухой из воды. Постепенно завоевала доверие повара Филиппа, унтер-офицера Вольтера, а там и первых лиц разведшколы оберлейтенантов Эверса и Хайниса.

Донесения «Анки» давали нашему командованию важнейшие детали общей обстановки в Крыму, положения в разведшколе, сведения о готовящихся к заброске в расположение советских войск и в глубокий тыл шпионов и диверсантов, ряд которых был перевербован разведчицей. Выписка из документа: «Положение официантки в офицерском казино предоставляло «Анке» возможность не только визуальным путем добывать информацию, но и устанавливать более близкие контакты как с официальными сотрудниками немецкого разведоргана, так и с их агентурой... «Анка» смогла склонить отдельных из них к сотрудничеству в пользу советской, военной контрразведки».

Спрашивается в нашей задачке: участница ли Александра Ивановна Великой Отечественной войны или «военнослужащая» (термин, коим ее наградили после 15 лет митарств?!). Заслужила она право пользоваться всеми льготами ветерана-фронтовика или нет?
Ответ однозначен, но... По-прежнему Александра Ивановна получает минимальную пенсию, не может добиться установки телефона, ремонта комнаты, попасть на лечение в Пятигорский госпиталь инвалидов войны, хотя болезни ее — оттуда, из боевого прошлого.

Что же с нами сейчас происходит? Рущим идеалы, топчем живую память, терем доброту и милосердие. Острее всего ощущают уничтожение моральных ценностей народа наши отцы и матери, дедушки и бабушки — те, кого сегодня безоглядно поносят, те, кто вынес на своих плечах неизмеримые тягости невзгод и потерь, кто отстоял свободу страны, России. За что же их, а?

Устыдимся же, люди, оглянемся во гневе. И, если узнаем о ком-то забытом — незаслуженно и предательски, придем к ним покаянно.

Валерий ОЛИАНЧУК,
собственный корреспондент
«Известий» на Северном Кавказе —
специально для «45».

На снимке 1938 года: Шура Никляева — выпускница школы летчиков и парашютистов.

ВИДЕОАУТОТРЕНИНГ

Занятия ведет Наталья ЦЫБУЛЬКО, директор ставропольского товарищества «Феникс» по проблемам биоэнергоинформационного обмена в природе, член-учредитель Санкт-Петербургской ассоциации прикладной парансихологии.
(В основе видеоаутотренинга — методика, разработанная ученым из Санкт-Петербурга Вадимом Поляковым).
Внимание. Рисунок заряжен*.
Мощное информационно-энергетическое поле опускается из тел Абстрактной и Конкретной мысли в тело желаний, заполняет его, очищает его от существ, населяющих этот мир. Образуется защита от всех неблагоприятных психических воздействий извне и изнутри, бесконечная во времени и пространстве. Уничтожается порча, сглаз, одержимость, проклятие. Устанавливается обратная связь с телом Духа: любые атакующие существа взаимодействуют с Божественной сущностью и направляются туда, где им надлежит развиваться и совершенствоваться согласно высшим Божественным законам. Отдаю себя на волю Твою, Боже!
Не введи меня во искушение и избавь меня от лукавого!

* Цикл заряженных рисунков публикуется, начиная с № 20

История, простите за трюизм, повторяется дважды: один раз в виде трагедии, другой — в виде фарса. Вот какую заметку опубликовала 23 июня 1925 года газета «Терек» под рубрикой «Суд». (Правда, рубрика у нас, как видите, другая, а вот текст — слово в слово).

Никакой «подписки» не было. Стреляя, он думал, что пуля полетит вверх. Но оказалось, что выстрел был удачным.

Оказывается, что времена «рыцарства» еще не ушли.

2 мая 1925 года у подножья Машука (больше нигде, ведь у Машука дрались сам Лермонтов) произошла дуэль с применением огнестрельного оружия между двумя красноармейцами Н-ского полка, оружейных мастеровских Жуковым и Грачевым. Дуэль была, «как обычно», то есть с судьей, секундантами, но без врача.

2 мая Жуков и Грачев в сопровождении трех красноармейцев (судья и секунданта) отправились на нарзан. Там Жуков и Грачев, вытащив оружие, по правилам дуэли опробовали его, выстрелив по разу в камень. Оружие оказалось хорошим. Стали спиной к спине, разошлись на расстоянии 45 (Опять — сорок пять! — Ред.) шагов и... затем должны были по команде «раз, два, три» стрелять. Но после команды Грачев, повернувшись, положил оружие в карман, а Жуков, не поворачиваясь, вытянул руку назад, выстрелил. Пуля попала в плечо Грачева.

Жуков, увидев свой «удачный» выстрел, упал и заплакал.

18 июня дело по обвинению Жукова слушалось в нарсуде.

Жуков объяснил, что дуэль была просто шуткой:

— Давай?
— Давай!
Никакой «подписки» не было. Стреляя, он думал, что пуля полетит вверх. Но оказалось, что выстрел был удачным.

Свидетель, бывший на месте дуэли секунданта, рассказал:

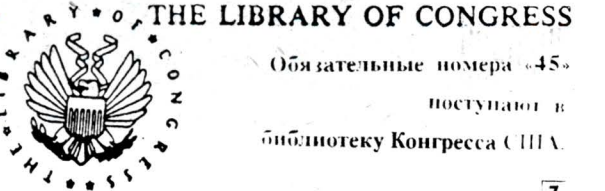
— Пишли оце мы на нарзан. Жук и Грач промиж собою шось говорили о «дуэле». Пишли де менши народу. Вони стрельнули по разу в камень, а потом стали спиной до спины. Мы стоим — дивымось. Да, они разошлись, потом Жук считает: раз, два, три. Грач поворачивается и кладет ливольвер у карман, а цей стрельнув. Грач тике чуть, чуть сжилывсь и каже: «Ты ж мене раныв! Да, Жук пидбиг, дывыгсье, крови нема, расстигнув рубаху — у плечи дирочка. Вин тоди забросив ливольвер, упав и плаче.

Народный суд постановил лишить Жукова свободы на шесть месяцев без строгой изоляции. Таковы результаты редкой в СССР «дуэли». Один — в лечебнице, другой — в исправтрудюме.

Сей любопытный документ в распоряжение «45» предоставил Геннадий ФАТЕЕВ.

ПОСЛЮЖ на

Учредители — Ставропольский фонд культуры и группа граждан России.
Главный редактор Сергей СУТУЛОВ
Регистрационное удостоверение Мининформпечати России № 1499. Офис: 355045, Ставрополь, ул. Суворова, 1, тел. 3-18-94.
Рукописи не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке ссылка на «45» обязательна.
© АО «45-я параллель»
Издательство «Ставропольская правда» 355045, г. Ставрополь, ул. Спартака, 8.
Подписано в печать 17.03.92г. Заказ № 356.

ИГРЫ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

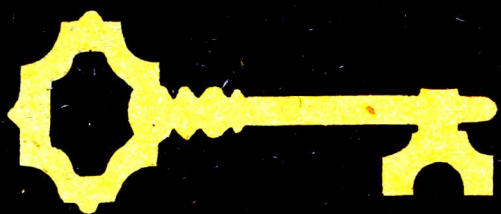

ВАШ ВЫИГРЫШ
- НАШ ТОВАР

ОБ'ЕДИНЕНИЕ

МАЛС

117049, Москва, Ленинский проспект, 6
Телефоны: 236-95-28, 236-70-69.
Телекс: 411700
Факс: 200-22-16, 200-22-17, 292-65-11

В. НЕНАШЕВ